

© 1991 г., СЭ, № 5

В. В. Карлов

НАРОДНОСТИ СЕВЕРА СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА И АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

Широкое общественное обсуждение на страницах печати проблем, связанных с современным состоянием хозяйства, культуры и социально-демографической ситуации, в которой оказались на сегодняшний день автохтонные народы севера Сибири и Дальнего Востока, стало примечательным явлением нашего времени. Впервые за период Советской власти, исключая лишь первые после-революционные годы, комплекс вопросов о жизни и перспективах развития коренного населения самых далеких и наименее пригодных для обитания районов страны поставлен и в партийной печати, и в советской публицистике столь остро, открыто и прямо. Все это нельзя не отнести к бесспорным завоеваниям гласности — процесса выявления самых болевых и требующих незамедлительного вмешательства точек и сторон нашей действительности. О том, что положение с малыми народами действительно тревожно, красноречиво свидетельствуют публикации А. И. Пики и Б. Б. Прохорова¹ (журнал «Коммунист»), статьи и «круглые столы» в «Советской культуре» и «Литературной газете», материалы конференций, проводимых учеными, изучающими проблемы истории, экономики, культуры населения Севера. В этих выступлениях звучат тревога и озабоченность, вызванные промышленным освоением зоны Севера и его деструктивным воздействием на жизнь коренного населения².

Мое обращение к данной теме вызвано не стремлением что-либо добавить к уже сказанному. Ситуация очевидна, как и необходимость ее немедленно менять. В данном случае речь идет о конкретных мерах и путях кардинального улучшения обстановки, высказанных в печати, с большинством из которых, без сомнения, можно согласиться. Однако авторы конкретных предложений (их, к слову, не так уж много: в печати пока преобладает констатация сложившегося тяжелого положения) видят выходы из тупиковых ситуаций лишь в двух вариантах будущего пути: или «традиционализм», или индустриальное развитие, предполагающее отказ от традиционного хозяйства и образа жизни. Наиболее четко эти подходы к вопросу выразили в письме в журнал «Коммунист» В. Дмитриев и К. Клоков: «Реально возможны два пути: либо принять европейскую модель образа жизни и постепенно слиться с основной массой населения страны как в демографическом, так и в хозяйственном и культурном отношении, либо сохранить самобытность и автономно развивать традиционные формы хозяйства и культуры, что, конечно, не исключает взаимного обогащения достижениями и духовными ценностями. Оба пути имеют свои преимущества и свои трудности, и каждая, даже самая малая, этническая группа вправе свободно выбирать тот путь, который больше ее привлекает»³.

Последнее, конечно, сомнению не подлежит. Принципы нашей национальной политики должны строиться прежде всего на свободе выбора пути с мими народами. Но речь идет о гипотетически и практически возможных путях — только ли их два? Ведь первый — «европейская модель образа жизни» для

народов Севера не может означать ничего иного, кроме полной утраты этнокультурной специфики и добровольной ассимиляции⁴. Второй путь — «автономное развитие традиционных форм хозяйства и культуры» — означает сохранение этнической специфики и самобытности, ее консервацию. Но может ли такая самобытность на базе «традиционализма» быть иной, нежели «самобытность отсталости»? Едва ли такой «выбор» может соответствовать настоящим принципам ленинской национальной политики. Чтобы население Севера могло выбирать не только между Сциллой и Харибдой, у него должны быть более широкие возможности. Ответ на вопрос, возможны ли иные пути развития, требует некоторого ретроспективного анализа контактов аборигенного населения с промышленной цивилизацией, исторического анализа корней создавшейся ситуации.

Прежде всего хотелось бы остановиться на «традиционализме» как гипотетической возможности существования малочисленных народов в некоем подобии заповедников или резерваций. Такую мысль надо категорически отвести как абсурдную уже потому, что она может исходить лишь от людей, не знакомых с традиционным образом жизни аборигенных народов в прошлом. Идиллического «золотого века» в их истории не было никогда. Север, какой бы идеально приспособленной к его экологическим условиям ни представлялась сегодня хозяйственная жизнь автохтонов, во все времена был слишком суров и беспощаден к человеку. Каковы бы ни были сегодняшние беды и проблемы северян, надо с полной определенностью сказать, что ныне их жизнь и физическое существование на земле неизмеримо надежнее и лучше защищены от превратностей судьбы, чем в любых традиционных обществах прошлых эпох, когда голодная смерть нередко становилась уделом целых племен⁵. А ведь происходило это тогда, когда экологические проблемы не стояли так остро, а природные ресурсы казались неисчерпаемыми и не были загублены индустрией, «производством ради производства», как ныне. Даже если бы выбор был возможен только между «традиционализмом» и «европейской моделью», думается, едва ли коренное население добровольно выбрало бы такой «традиционализм».

Кроме того, весьма существенные элементы навыков традиционного жизнеобеспечения ныне уже безвозвратно утрачены, как бы мы ни оценивали этот факт. И утрачены не сегодня и не вчера. Процесс их утраты стал необратимым под воздействием капиталистической экономики еще в середине XIX в., когда хозяйство коренных народов перестало быть натуральным и замкнутым. Об очевидных признаках этого сообщали наблюдатели XIX в. Так, академик-натуралист А. Ф. Миддендорф, объехавший в 1843—1844 гг. весь север и восток Сибири, сделал такое заключение: «Переход от лука и стрел к огнестрельному оружию, от меховой к тканой одежде составляли скачки, повергавшие человека в новый мир»⁶. И тут скачки составила, конечно, не просто замена производимых каждым для себя предметов промышленными товарами, а замена системы личностных отношений между людьми отношениями вещными, опосредованными. Именно она перевернула всю структуру взаимосвязей в традиционных обществах уже к концу XIX — началу XX в.

Еще один наблюдатель конца века писал об этом так:

«Вся Сибирь покрылась сетью микроскопических, по сравнению с ее общим пространством, участков, в пределах каждого из которых всецело властвует кулак-скупщик на полных правах монополиста, высасывающий все соки из несчастных звероловов»⁷. При этом в качестве торговцев-посредников выступала и небольшая часть людей из среды коренного населения. Разлагающее воздействие торгового капитала на традиционное хозяйство в ряде обществ (территориально-племенных групп) достигло такой степени, что многие хозяева не способны были себя прокормить, полностью обнищали, но, так как традиционная ориентация и способы хозяйствования были уже нарушены, они вынуждены были жить наемным трудом и быстро ассимилировались местным населением. Так произошло с южными группами хагтов и западными манси, нарымскими

селькупами, ангарскими и нижеенейскими эвенками, многими группировками юкагигов и др.

Первые же мероприятия Советской власти по отношению к коренному населению Севера были направлены на ограждение его от хищнической орговой эксплуатации и оказание экстраординарной помощи хозяйствам, оказавшимся в бедственном положении. Дальнейший комплекс мер с целью изменения и улучшения жизни коренных народов разрабатывался тщательно и взвешенно и, что особенно важно, путем детального изучения состояния их хозяйства, образа и уклада жизни на основании фундаментально подготовленной и проведенной Приполярной переписи 1926—1927 гг., дошедшей до каждого хозяйства. После этого был взят курс на постепенное создание наиболее благоприятных и соответствовавших образу жизни местных жителей условий хозяйствования, на подъем культуры и оздоровление быта, а в перспективе — на создание условий и возможностей для свободного выбора человеком сферы деятельности и образа жизни, чтобы северянин, как и любой человек современного мира, не был рабом обстоятельств. Этот курс полностью соответствовал принципам ленинской национальной политики. После упразднения в 1923 г. Наркомнаца было создано специальное подразделение при высшем органе государства (Президиуме ВЦИК РСФСР) — Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Председатель Комитета Севера П. Г. Сидович был одновременно заместителем Председателя Президиума ВЦИК.

Главную роль в изменении условий жизни северных народов сыграли усилия по налаживанию их хозяйственной жизни на новых организационных принципах, а также меры по улучшению их быта. Традиционное хозяйство в основе своей у всех народов было комплексным; в нем сочетались охота, рыболовство, а у большинства народов было развито также и оленеводство. Чередование этих отраслей в зависимости от сезона или превратностей климата только и могло обеспечить минимально достаточное существование. Но так как на практике переход от одного вида занятий к другому, сочетание всех их видов были в рамках одного отдельного хозяйства неосуществимы, необходима была хотя бы временная, сезонная кооперация рабочих рук. В «классическом» традиционном быту аборигенного населения она была организована в пределах общины, составленной на основе родственно-соседских взаимосвязей. По мере развития товарных отношений в недрах общины развивались скрытые или прямые отношения зависимости и эксплуатации.

В годы советского строительства на Севере, при устранении торговой эксплуатации, внедрении различных типов снабженческо-сбытовой, заготовительной, а затем и производственной кооперации в местах расселения народов Севера, идеальной формой организации хозяйственной жизни стало производственное объединение типа сельскохозяйственной артели. Оно как нельзя лучше соответствовало потребностям оперативного и гибкого распределения рабочих рук в зависимости от хозяйственных условий. Эта форма взаимосвязей соответствовала также глубоким местным традициям коллективизма в производстве, распределении, общественной (общинной) жизни. На практике линия на кооперирование хозяйства не была, конечно, свободна от перегибов и ошибок, связанных с форсированием процесса и подгонкой его под общие шаблоны периода коллективизации. Тем не менее в сочетании с развитием здравоохранения, оздоровлением быта, первыми успехами в деле школьного образования, в создании управленческих кадров, с появлением первых работников интеллектуального труда из числа аборигенных народов линия на организацию коллективных артелей создала признаки и черты неоспоримого подъема в хозяйстве и позитивных изменений в образе жизни коренного населения. Если и можно говорить о «золотом веке» традиционных отраслей, то он, по-видимому, придется на 1940—1950-е годы нашего столетия, когда начатые преобразования основ жизнедеятельности более или менее закрепились.

Однако все это было еще далеко от осуществления целей национальной

политики Советской власти, сформулированных как ликвидация фактического национального неравенства, создание по-настоящему равных условий и возможностей существования и развития народов. Разумеется, народы Севера еще очень сильно отставали по уровню грамотности, оснащенности техникой, по энерговооруженности труда, благоустроенности быта, общей культуре и т. д.

Нельзя сказать, чтобы их положение и дальнейшие судьбы не беспокоили правительство. Одно из наиболее серьезных по своим положительным последствиям постановлений ЦК КПСС и СМ СССР (постановление № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера») было принято, например, в 1957 г.⁸ Однако на практике оно не было реализовано. Не существовало к этому времени и центральных государственных органов, занятых, как прежде, специфическими нуждами северян. Более того, в 1960-е годы был допущен ряд принципиально ошибочных управленческих решений волюнтаристского характера, без глубокой проработки реальной ситуации и всестороннего расчета последствий таких мер. К ним относились бюрократически проведенное укрупнение хозяйств, перевод колхозов в совхозы, сселение людей из мелких разрозненных ареалов их обитания в крупные поселки с целью осуществления не вполне продуманной концепции «перевода на оседлость». Расположение и уклад быта новых поселков часто никак не соответствовали сложившимся формам северного хозяйства. В управленческом аспекте немалые беды северянам приносило и приносит то, что их районы, даже в статусе автономных округов, оказались, с точки зрения краевых служб, незначительной частичкой (по числу населения), не влияющей на общекраевые или областные показатели, а потому им можно было и вовсе не уделять внимания. То же стало характерно и для центральных ведомств, ведущих работы на Севере; они и вообще не несут никакой ответственности за последствия своего «хозяйствования».

Неоднозначными оказались последствия такого, казалось бы, благого дела, как введение всеобщего среднего образования и обучения детей в интернатах центральных усадеб хозяйств. Дети, выросшие в отрыве от семей, занятых в оленеводстве и охоте, потеряли навыки и интерес к традиционным отраслям. Да и получаемое ими полное среднее образование не находит никакого применения в традиционных отраслях. Там при настоящем технико-технологическом уровне организации нужны в основном традиционные навыки, а для удовлетворения культурных запросов при имеющейся сейчас, явно устаревшей, материальной базе культурно-бытовых учреждений в северных поселках достаточно и начального образования. В то же время количество рабочих мест, где может найти применение человек со средним образованием, на Севере крайне ограничено, нередко они к тому же заняты «пришлыми», не местными людьми. Это породило острейшие противоречия и в сфере труда, и в социально-демографическом плане. Для поколений, прошедших через интернаты, получивших среднее образование, охота, оленеводство, рыболовство оказались занятиями непрестижными. В поселках подходящей для них работы нет, в итоге они пополняют ряды разнорабочих и все больше превращаются по сознанию и образу жизни в типичных люмпен-пролетариев. Те же, кто все-таки идет в традиционные отрасли, часто не могут создать полноценную семью, ибо девушки не хотят выходить замуж за оленеводов, жизнь которых их страшит.

Эти внутренние беды обнаружили уже к концу 1960-х — началу 1970-х годов, но активное промышленное освоение зоны Севера многократно усложнило и обострило ситуацию. Вторжение пришлого населения (а оно очень неоднородно, многие его представители чувствуют себя здесь временными «гостями», судьбы Севера и его населения их не заботят, отношение к природе, жизненной среде у этой части жителей нередко бывает рвачески-потребительским) на многих северян действует подобно шоку. Состояние внутренней дезорганизации хозяйства и форм общественной жизни, выходы из которого нащупаны на Севере далеко не везде и неодинаково в разных сферах деятельности, и создало такую ситуацию, когда Север и его народы оказались абсолютно не

готовыми к промышленному освоению территории и сейчас беспомощны перед ним в хозяйственно-организационном, культурном и бытовом отношениях. Для них реальна угроза быть сметенными с лица земли если не физически, то как культурно-исторические образования.

Сказанное об историческом пути развития автохтонных народов показывает, что возврат к «традиционализму» уже невозможен. Тогда, может быть, «европейская модель» образа жизни для них — бесспорное благо? Решать этот вопрос должны они сами, никакие рекомендации ученых директивным органам с целью воздействовать на такое решение юридически неправомочны, с позиций равноправия народов они и вовсе не могут иметь места. Должен быть и иной путь кроме «европеизации» или «традиционализма». Его поиск вызван необходимостью способствовать созданию условий жизнедеятельности для коренного населения, отвечающих как современным потребностям, так и реальным, сложившимся веками формам и способам хозяйствования.

Здесь мы соприкасаемся с актуальнейшей научно-теоретической проблемой, имеющей непосредственную связь с практикой, особенно если учесть, что она вообще не разработана в нашем обществоведении, в том числе в этнографии. Это вопрос об особенностях воспроизводства крупных и малочисленных народов. Ясно, что крупные нации обладают более полным спектром социально-воспроизводственных связей в экономике, культуре, быту, демографически-воспроизводственных отношений, малые же народы воспроизводят некоторые сферы своей жизнедеятельности интегрированно с более крупными. Эта интеграция в разных сферах жизнедеятельности осуществляется по-разному. Если у народов Севера наиболее этноспецифична хозяйственная деятельность, то, например, у народностей Северного Кавказа национальная специфика в общественном производстве практически не сохранилась: здесь хозяйственная жизнь прочно интегрирована в экономику региона, ее технология и организация у всего населения региона однотипны. Этноспецифичны же в большой степени семейно-бытовые нормы и отношения. На Севере же и традиционные нормы семейного быта, и культурно-досуговые формы сейчас сильно изменились. Оценка перспектив развития народов Севера требует и теоретической постановки и разработки этой проблемы, и изучения сложившихся на сегодня форм жизнедеятельности⁹.

Практика современной жизни раскрывает еще одну грань проблемы закономерностей и особенностей воспроизводства этносов. Все народы мира, втянувшиеся или втягивающиеся в процесс индустриализации, по мере дифференциации и специализации процессов производства материальных благ и явлений духовной культуры, происходящих как во внутриэтническом масштабе, так и в рамках международного разделения труда, испытывают, хотя, конечно, и в разной степени, тенденцию к усилению автономизации друг от друга разных сфер жизнедеятельности, процессов их функционирования и воспроизводства. Другими словами, если этнокультурные особенности хозяйства, быта, мировоззрения народов в доиндустриальную эпоху были связаны довольно тесно как в плане функциональном, так и с точки зрения действия конкретных производственных структур какого-либо этнического сообщества людей, то в современной действительности сферы общественного производства, семейно-бытовых взаимоотношений, воспроизводства и удовлетворения культурных запросов личности значительно обособились друг от друга, подвергаются воздействию различных, порою мало зависящих друг от друга факторов.

В конкретной современной жизни это выражается, например, так: на работе один и тот же человек действует в одной среде, контактирует с одним кругом лиц, в домашнем быту — с другим, в сфере культурного досуга — с третьим. В каждой из этих сфер ему, как правило, приходится сталкиваться с отличающимися друг от друга нормами и правилами поведения, довольно разнообразным и варьирующим «набором» ролей и функций (касательно как его самого, так и его партнеров по общению). Особенно ярко данная тенденция

проявляется в условиях крупного города и урбанизированной среды, но внедряется она и в сельскую жизнь, хотя там, разумеется, круг «действующих лиц» в разных сферах жизнедеятельности куда более ограничен.

У подавляющего большинства народов, вступивших на путь индустриализации, изменения такого характера начинались в первую очередь со сферы общественного производства. На Севере в силу специфики природно-экологической зоны промысловое и оленеводческое хозяйства с трудом поддаются индустриализации, хотя бы уже в силу ограниченности возможностей концентрации производства на единицу территории (чем исторически объясняется и рассредоточенность малочисленных народов на громадных пространствах). Предпринимавшиеся до сих пор попытки перевести хозяйство на индустриальные технологии и формы организации, связанные с укрупнением и концентрацией производства и населения, имеют здесь в качестве постоянных «побочных» эффектов (или прямых результатов) снижение рентабельности из-за удорожания производства и неэффективности отдачи вложенных средств, обострение проблем занятости промыслового населения, сокращение сфер привычного приложения труда, прогрессирующее при всем этом ухудшение экологической обстановки, трудности восстановления естественно-биологических ресурсов Севера, обострение социальных проблем в производственном и бытовом аспектах.

Как отмечено выше, принципы кооперативных форм собственности и организации производства явились почти идеальной моделью применительно к хозяйству и образу жизни северных народов, поскольку они соответствовали и особенностям ведения промыслового хозяйства, и коллективистским началам в образе жизни, и традиционной системе взаимоотношений между людьми. Данная модель потенциально обладала большой гибкостью, содержала в себе далеко не исчерпанные (и до сих пор не исчерпавшие себя) возможности творческого развития на основе тенденций, вырвавшихся из самой жизни, из многообразия сочетания хозяйственно-культурных форм, исторически сложившихся у малочисленных народностей, позволяла внедрять приемлемые в условиях Севера прогрессивные научно-технические достижения, к которым северяне всегда были очень восприимчивы. Но «работала» эта модель только до тех пор, пока сохраняла близкие к традиционным варианты организации труда, нормы природопользования и формы рассредоточенного расселения (это три тесно взаимосвязанные между собой условия жизнедеятельности). Конечно, это обстоятельство создавало большие трудности для улучшения (с точки зрения «европейской модели образа жизни») условий медицинского и культурного обслуживания населения, совершенствования школьного образования, прогресса бытовых форм.

Предпринятые попытки укрупнения производства и поселений, концентрации в крупных поселках бытовых и рекреационных структур, школьного образования при пространственном отрыве от этих поселков производственной сферы привели в конечном счете к насильственному отрыву или даже почти полному разрыву семейно-бытовых и культурно-досуговых структур с производственными. Производственная сфера по своему технико-технологическому характеру осталась ближе к традиционному уровню, а семейная и культурная сферы стали приобретать автономность, характерную для индустриального общества. Однако в данном конкретном случае их автономизация была не результатом естественного процесса дифференциации деятельности в индустриальном обществе, а следствием искусственного расчленения воспроизводственных структур общества без учета их специфики у автохтонных этносов Сибири. Сейчас это глубочайшее противоречие привело к тупику, который уже поставил на грань исчезновения сами традиционные северные отрасли хозяйства. Но вслед за их исчезновением человечество потеряет и народы Севера как культурно-исторические образования. В настоящий момент вопрос стоит таким образом: принял ли этот процесс уже необратимый характер, возможны ли еще воссозда-

ние необходимых условий для существования и воспроизводства народов Севера, «рекультивация» почвы для их сохранения и возрождения, и если возможно, то на какой основе.

Состояние этих актуальных проблем, сходных для большинства (если не всех) народов Севера, я попытаюсь показать на конкретных фактах жизни эвенков Эвенкийского автономного округа, так как поиски ответа на поставленные вопросы были одной из основных задач работы Эвенкийского отряда Восточно-Сибирской этнографической экспедиции МГУ, в 1989 г. обследовавшего два поселка в Илимпейском районе округа: Учами на Нижней Тунгуске (отделение совхоза «Тутончанский») и Эконда (центральная усадьба совхоза «Экондинский»). Материал собирался методом опроса информаторов по специально составленному вопроснику. Блоки вопросов были ориентированы на выявление характера деятельности и общения в разных сферах жизни людей: хозяйственной (общественном производстве), семейном быту, сфере культурного досуга и потребления. Выясняли характер трудовой деятельности, требования к сфере труда, места пребывания информатора в течение хозяйственного года и круг общения в разные его периоды, связи общения в разных сферах жизни и т. д. Выявляли знание традиционной культуры и реальное использование ее опыта, отношение к ней. Были обследованы люди разных возрастов и профессий, всего около 100 человек (или около трети взрослого населения, находившегося в это время в поселках). В качестве экспертов были опрошены представители эвенкийской интеллигенции в пос. Тура (окружной центр), а также проживающие в округе русские.

Следует сказать, что в жизни данных поселков в полной мере отразились отмеченные выше негативные тенденции последних десятилетий: ухудшение состояния оленеводства, задевшее и организацию охотничьего промысла, так как резко сократилось число транспортных средств, используемых охотниками во время сезона охоты, ухудшение обеспечения населения оленьими мехами, тревожное положение с занятостью. Лишь небольшой процент трудоспособных мужчин работает в оленеводческих бригадах. Это в основном несколько человек среднего или уже пожилого возраста, причем менее половины из них живут в бригадах с женами, остальные либо холосты, либо их семьи находятся в поселке. Здесь две основные причины. Одна — нежелание женщин выходить замуж за оленевода или, даже будучи замужем за оленеводом, жить вне поселка из-за непривычности к таежной жизни и ее бытовым трудностям. Другая — неупорядоченность оплаты труда жен оленеводов. В совхозах Эвенкии существуют ставки для женщин, обеспечивающих быт пастухов-оленеводов. Но на одну бригаду полагается лишь одна такая ставка. Как правило, ее делят между собой две или три женщины. Молодежи в бригадах почти нет: иногда один-два ученика — помощник пастуха. Почти никто из них не приживается в бригаде надолго.

Охотничий промысел привлекает мужское население Эвенкии в большей степени, чем тяжелый и монотонный характер труда пастуха-оленевода. Но и здесь возникли свои не менее сложные проблемы. К ним относятся ограниченность числа ставок кадровых охотников и проблемы обеспечения охотников оленьим транспортом. Совхоз не везде может обеспечить их потребности, а поголовье личных оленей почти сошло на нет из-за трудностей содержания. В настоящее время держат личных оленей в основном лишь пожилые люди, уже вышедшие на пенсию, но еще не потерявшие охоты жить в тайге. Большая часть охотников — так называемые «любители», т. е. они не получают ставок кадровых охотников, а заключают с совхозом договора на период промысла. Эти люди постоянно работают в поселке, чаще всего в качестве разнорабочих совхоза, и в остальное время года используются на необходимых хозяйству подсобных работах (например, погрузка и разгрузка, ремонт помещений, мостовых, заготовка дров и т. д.). На сезон охоты им выделяются охотничьи участки.

Эта практика стала в последние годы источником социальной напряженности. Дело в том, что участки распределяются не только среди охотников из числа коренного населения округа, но и среди значительного числа приезжего русского населения (оно в округе за последние 10 лет удвоилось). Эти люди работают в различных учреждениях окружного центра, действующих в Эвенкии экспедициях, на транспорте. На период сезона промысловой охоты многие из них берут отпуск и получают участки. Добытая пушнина является для них существенной дополнительной статьей дохода.

Распределение участков среди «любителей» осуществляется дирекцией совхозов, а затем утверждается сельскими Советами и исполкомом райсовета. Число участков ограничено, за них ведется борьба. Часто лучшие уголья достаются работникам окружных организаций или учреждений, роль которых в жизни округа, на самом деле, очень велика (например, Управление гражданской авиации, без которой жизнь Эвенкии ныне немислима). В последние годы случаи, когда проживающие в поселках эвенки — разнорабочие совхозов («любители») остаются по этой причине вовсе без участков, стали нередки. Такая практика, разумеется, вызывает законное недовольство эвенкийской части населения.

Распределяя участки не в пользу коренного населения, нередко ссылаются на то, что местные охотники добывают иногда меньше приезжих «любителей», а также на склонность эвенков к спиртному. Это как будто небезосновательно. Однако следовало бы взвесить также, насколько экологически оправданно стремление приезжих охотников к максимально возможному результату. Ведь это та самая категория жителей округа, которая приезжает на Север в основном с ясно осознанной целью заработать деньги, не пренебрегая при этом никакими средствами, в том числе, мягко говоря, не вполне этическими или даже не вполне законными, и вернуться «на материк». Будущее же земли, с которой они не собираются надолго связывать свою судьбу, и ее коренного населения этих людей, как правило, не волнует. К слову, некоторые из них в немалой степени способствуют распространению пьянства среди северян, в условиях ограничения продажи спиртного сбывая его эвенкам по спекулятивным ценам или в обмен на меховые изделия (унты, шапки и т. д.).

Что же касается местных жителей, то, зная тайгу и не потеряв сноровку, они до сих пор не преодолели разумного, сознательно-ограничительного, «традиционного» отношения к биологическим ресурсам тайги. Эта хорошая черта оборачивается теперь в конечном счете против них самих, как и некоторые другие черты «традиционной» психологии эвенков. К таким чертам относится, например, «врожденная» готовность к компромиссу, согласно с партнером по общению. Так же как во взаимоотношениях с миром природы, от которой эвенк не требует сверх необходимого ему для жизнеобеспечения, от партнера по общению он тоже не ожидает требований, которые таят в себе угрозу его собственному существованию: нормальный человек, согласно традиционному миропониманию эвенков, никогда не просит ничего сверх того, что необходимо. Таким образом, психологически эвенк не защищен от эгоистических претензий, ибо сам он по натуре не эгоист. Получив, например, отказ в заявке на охотничий участок, редко кто будет требовать своего или обращаться с просьбой второй раз. Скорее человек смиритсся с этим или даже решит, что кому-то участок нужнее, чем ему, и будет «топить» свою досаду в спиртное.

Состояние психологической неуверенности нередко преследует современного эвенка во многих жизненных ситуациях. При равных формальных обстоятельствах эвенки, например, иногда боятся обращаться в дирекцию совхоза с просьбой о приеме на работу на должности, связанные с делопроизводством, отчетностью, учетом и т. д., опасаясь, что им откажут, предпочтя более «хватких» и более уверенных в себе русских. У современной молодежи Эвенкии как в возрасте завершения социализации, так и старше, вплоть до 30—35 лет, сформировался определенный «комплекс неполноценности». Эти поколения в

сильной степени утратили навыки, ценности и нормы традиционного уклада жизни промыслового населения, не обретя в то же время в достаточной степени ценностей и норм, связанных с иными способами жизнеобеспечения и адаптации к условиям среды. Нынешнее состояние социально-психологической адаптации можно оценить как крайне тревожное и кризисное для перспектив этнокультурного существования и развития народа. Среди немалой части молодежи можно наблюдать даже подчеркнуто демонстративный отказ от языка и всего связанного с символами и ценностями этнической культуры, полное отсутствие не только знания ее, но и интереса к ней.

Отмечается значительный рост национально-смешанных браков, где жены — эвенкийки, в то же время крайне редки браки, где эвенки — мужья. Это отчасти объясняется, конечно, особенностями демографической структуры поселений Эвенкии (в частности, тем, что молодые холостые мужчины некоренных национальностей преобладают здесь над незамужними женщинами своих национальностей), однако в немалой степени и престижностью таких браков в глазах эвенкийских девушек. Но это последнее обстоятельство создает у молодых мужчин-эвенков, с одной стороны, чувство неуверенности в себе, с другой — негативное отношение к эвенкийским девушкам, ведущим себя, с их точки зрения, слишком «свободно» и «вольно». Такое мнение постепенно укрепляется под влиянием роста в округе числа неполных семей, матерей-одиночек, рожающих детей от связей с приезжими, временно работающими здесь мужчинами. Это, как и распространение целого ряда тревожных и нежелательных социальных явлений (пьянство, паразитирование за счет родственников, социальная апатия, отсутствие желания повышать образовательный и профессиональный уровни, социальный статус и т. д.), тоже является следствием сохранения некоторых традиционных норм социального общежития эвенков. Дело в том, что социальный статус человека в системе общения в рамках традиционной общины эвенков сильно зависел от общественного мнения: особым почетом пользовались самые искусные и удачливые охотники, люди мудрые, обладающие знаниями или особыми способностями. Таким образом, престиж человека, выделяющегося своими способностями, всегда был достаточно высок. Но вот противоположного, т. е. механизма формирования вокруг человека негативного общественного мнения, коллективного осуждения, у эвенков не было и нет. Хотя есть немало людей, «славящихся» ленью, нерасторопностью, ненадежностью, дурными наклонностями, имеющих низкий социальный статус в своей среде общения, тем не менее вокруг них почти никогда не возникает атмосферы неприятия, отторжения. Среда принимает их такими, каковы они есть, довольно легко прощая им слабости и даже отдельные антиобщественные проявления, находя им оправдание.

Конечно, к этому следует добавить, что если раньше поступки откровенно антиобщественного характера у эвенков были большой редкостью, то сейчас они, к сожалению, начинают превращаться в обыденное явление, в значительной степени — под влиянием поведения пришлого населения, среди которого (особенно среди рабочих-сезонников разных экспедиций — «бичей») попадаются немало людей, вообще не связывающих себя никакими моральными нормами, тем более не считающих необходимым следовать им в тайге и при общении с коренным населением. Прежде в разреженной системе расселения эвенков факты «отклоняющегося» поведения были редки и отношения между индивидами никогда не утрачивали глубоко личностного оттенка, даже при эпизодических или случайных встречах людей друг с другом. В изменившихся условиях это оборачивается к обществу своей противоположной стороной: гуманистический по сути социальный институт грозит превратиться в обыденную норму антигуманные и асоциальные явления, угрожающие уже самому существованию данного социума.

Следует отметить, что среди опрошенных нами информаторов проблемы нынешнего состояния хозяйства и организации быта мало кого оставили равно-

душными. Люди в основном отчетливо понимают необходимость изменения нынешнего положения дел, в котором возникло много чрезвычайно острых и запущенных вопросов. Весьма неудовлетворительным представляется коренным жителям состояние трудовых проблем. В первую очередь это возможности выбора места работы (а нередко и трудности устройства на какое-либо место вообще) как для женщин, так и для мужчин. Сильную неудовлетворенность вызывают характер труда на большинстве рабочих мест, весьма слабая его механизация и энерговооруженность, большие физические затраты и низкий уровень безопасности, повышенная степень риска для здоровья и даже жизни. Понятно, что последнее обстоятельство в условиях Севера не может быть устранено вовсе, но речь идет о том, что пока слишком мало сделано для сведения степени риска к минимальному уровню.

Среди насущных проблем организации быта чаще других назывались: нехватка жилого фонда в поселках или его неудовлетворительное состояние, трудности в проведении ремонта жилья, в обеспечении населения промышленными товарами бытового назначения, особенно мототранспортными средствами, мебелью и т. д. Вообще стремление эвенкийского населения к более современному и культурному обустройству быта, его запросы в этой области за последнее десятилетие значительно возросли. Этому весьма способствовало не только совместное проживание в поселках вместе с пришлым русским населением, что повлияло на восприятие эвенками бытовых стереотипов последнего, но и огромное расширение каналов информации, возможностей сопоставления благодаря распространению телевидения.

Телевидение играет поистине революционную роль и в создании культурно-досуговых потребностей и запросов автохтонного населения. Если еще 20 лет назад в формировании и удовлетворении его культурных запросов большое место занимало непосредственное воздействие и общение (особенно деятельность поселковых клубов), то сейчас они решительно отодвинуты телевидением на задний план и испытывают кризис. Но все же полностью заменить их телевидение не в состоянии. В особенности сохраняется потребность в непосредственных формах общения у молодежи, но кроме общеупотребимых форм времяпрепровождения — дискотек и танцев ничто другое пока не прививается, т. е. необходим, по-видимому, поиск новых форм, адекватных запросам, потребностям и возможностям организации культурного досуга.

Среди других форм культурного досуга важнейшее значение принадлежит чтению. Можно отметить, что у большинства северян чтение превратилось в насущную потребность, они постоянно пользуются библиотеками, при случае покупают книги. Многие семьи постоянно выписывают газеты и журналы. Особой популярностью пользуются издания, посвященные Северу, в частности журнал «Северные просторы», подписаться на который здесь довольно трудно. Это говорит о необходимости расширять число и тиражи подобных изданий для коренного населения Севера. Навыки и потребность в чтении сейчас действительно велики; некоторые охотники, например, берут с собой на промысел в тайгу библиотечку книг, несмотря на ограниченные возможности доставки к месту промысла необходимых грузов.

Выявленные тенденции развития культурно-бытовых потребностей эвенкийского населения помогают понять, почему постановка вопроса о возврате к «традиционному» образу жизни у большинства информаторов среднего и молодого возраста не вызвала иной реакции, кроме недоумения или даже возмущения, при всем том, что нынешнее состояние дел мало кого удовлетворяет. Представители старших возрастов, правда, чаще высказывали сожаление о временах, когда у большинства эвенков были олени и можно было вести промысловое кочевание в тайге. Однако на вопрос, стали бы они теперь вести такую жизнь, если бы были олени, большинство отвечало отрицательно. Некоторые 50—60-летние высказались в таком роде, что некоторое время назад они еще пошли бы в тайгу, а теперь уже нет — привыкли жить в поселке.

Неоднозначно отношение эвенков и к фактическому вытеснению из употребления родного языка, переходу на русскую речь даже в бытовом обиходе, в семейной среде. Некоторые люди старших возрастов в общении между собой пользуются двумя языками, но вот с детьми, привыкшими к русской речи в детском саду и в школе, общаются уже только по-русски. Исключительно на русском потребляется информация печатная, радио- и телевизионная. При отрыве большинства населения от таежной жизни и традиционных отраслей навыки и потребности в родной речи исчезают очень быстро. Радиовещание на эвенкийском выходит в эфир не столь часто, газетная полоса в «Советской Эвенкии» на эвенкийском языке — раз в неделю, к тому же литературная речь, созданная на базе подкаменно-тунгусского диалекта, среди илимпийских эвенков воспринимается все же как нечто искусственное, далекое от живого разговора. Процент эвенков, не владеющих эвенкийским языком, по данным пяти поселков Илимпийского района на 1988 г., составляет от 1,5 до 28,6, а понимающих язык, но не говорящих на нем — от 7,5 до 20,6%. В таких поселках, как расположенный по соседству с Турой Нидым, число тех и других достигает уже почти половины эвенкийского населения¹⁰. Самое печальное, что среди не владеющих эвенкийским языком — почти все работники сферы культуры, школьные учителя, воспитатели детских садов. Таким образом, эвенкийский язык находится под угрозой исчезновения в течение жизни нынешних возрастных когорт, если в ближайшее время не изменится решительным образом сфера его применения и условия его воспроизводства. Но пока признаков такого изменения не видно.

Из сказанного ясно, что остановить процесс полной утраты этнической культуры эвенков сейчас довольно сложно. Структура воспроизводства семейных, хозяйственных, культурно-досуговых форм жизни эвенков, их потребности в этих сферах сейчас с трудом сочетаются или даже прямо противоречат условиям функционирования местных способов хозяйственной деятельности. Такое положение осознается людьми как ненормальное и тревожное, но выхода из него они не видят. За исключением редких представителей интеллигенции (причем в основном оторвавшихся от традиционного быта значительно раньше и сильнее, чем рядовая масса), никто не высказывается за возврат к «традиционализму».

Значит ли все это, что единственной альтернативой остается все же переход на «европейскую модель образа жизни»? Если так, то, по-видимому, это будет равнозначно полной добровольной культурной ассимиляции и отказу от постоянной жизни на огромных пространствах тайги и тундры Сибири (если предположить, что и среди других народностей Севера процессы будут развиваться подобным же образом). Оптимален ли для народов Севера и для человечества такой «вариант»? Едва ли.

В целом перспектива для северного населения видится в возвращении гармонии между производственной, семейной и культурно-досуговой сферами жизни человека, в поиске оптимального варианта их функционирования и взаимодействия, но не на основе возврата к «традиционализму», а путем подъема на новый, современный технико-технологический и организационный уровень с учетом сложившихся и проверенных многовековым опытом особенностей хозяйственной деятельности.

Однако все это требует создания принципиально измененных условий и форм жизнедеятельности на Севере по сравнению с ныне существующими. Это относится в первую очередь к типу расселения — восстановлению его рассредоточенного микроареального характера, отвечающего нормам северного природопользования: жизненно необходимы поощрение и распространение научно обоснованных норм разумного, экологически оправданного природопользования в зоне Севера. Но воссоздание форм рассредоточенного расселения возможно сейчас только с учетом сложившихся новых потребностей и запросов, о которых сказано выше. Все это требует больших затрат на обустройство

системы таежных и тундровых поселений, и прежде всего — на оснащение их современной хозяйственной и социальной инфраструктурой. Последнюю необходимо формировать из среды самих северян, причем очевидно, что социальная инфраструктура должна здесь во много раз превышать средние расчеты на число жителей в районах с иными типами расселения. Такая мера даст отдачу в скором времени: она не только удовлетворит насущные потребности населения, но и откроет новые перспективы в области занятости. Здесь, вероятно, необходимо идти по пути освоения нескольких смежных профессий, связанных с социальной инфраструктурой, одними и теми же людьми из числа местного населения или даже не очень близких профессий. Это невозможно, однако, без создания особых средних специальных учебных заведений для представителей северных народностей¹¹.

Необходима, наконец, совершенно иная модель среднего школьного образования, очевидно, не только с приближенным к условиям Севера набором учебных дисциплин, форм обучения, численности учебных групп, но и годового графика и режима работы¹².

Конечно, микроареальное расселение таит в себе ряд сложностей для удовлетворения культурно-бытовых потребностей людей. Ведь и до сих пор одно из труднопреодолимых препятствий развития национальной жизни в ее современных формах, распространения прогрессивных образцов культуры — рассредоточенность населения и его замкнутость. Здесь также требуются кардинальные изменения коммуникативных средств, их подъем на современный научно-технический уровень, развитие радио, телевидения, кино, газетно-издательского дела применительно к особенностям региона и его населения, чтобы освещение жизни северного населения позволяло ему чувствовать общность судеб и проблем отдельных его представителей и групп, искать и отбирать лучшие образцы хозяйственных и культурных форм, активнее участвовать в решении собственных дел.

Изменения подобного рода требуют немалых капитальных вложений и иных материальных затрат. Но они не только необходимы, но и возможны в русле общеполитических и социально-экономических перемен в стране, формирования новых взаимоотношений между местными органами власти и ведомствами. Предание гласности и широкое обсуждение в печати проблем малочисленных народов уже начало менять обстановку в сторону ее улучшения. Появились и некоторые конкретные сдвиги: 30—31 марта 1990 г. в Москве впервые прошел Съезд малочисленных народов Севера, в ходе которого была создана новая общественная организация — Ассоциация народов Севера. Среди ее задач — координация усилий представителей автохтонных народов региона в борьбе за достижение общих целей выживания — улучшение социальной, экономической и культурной ситуации в районах их проживания, отстаивание политических, социальных и экономических прав коренного населения, контроль за их осуществлением, представительство на всех уровнях государственного управления, выход с законодательной инициативой в верховные законодательные органы и т. д.¹³ Повсеместно в районах расселения малочисленных народов были созданы также региональные ассоциации с аналогичными целями.

В 1989—1990 гг. Госпланом СССР и Совмином РСФСР разрабатывалась также Комплексная программа дальнейшего развития экономики и культуры народов Севера до 2005 г., в составлении которой приняли участие региональные и Всероссийская ассоциации народов Севера. В ней предусмотрены важные меры в административно-управленческой области (например, повышение статуса национально-государственных образований — автономных округов, развитие системы самоуправления на Севере и особый характер представительства малочисленных народов в Советах всех уровней), совершенствование рационального природопользования, развитие арендных и подрядных отношений, сочетание различных форм хозяйствования и собственности, комплекс экономико-хозяйственных, жилищно-строительных, медико-оздоровительных мероприятий, улуч-

шение издательского дела и культурной базы жизни коренного населения, активизация научно-исследовательских работ. Намечалась и разработка столь необходимого положения «О зоне приоритетного природопользования народов Севера» с предусмотренными законодательными ограничениями на различные виды хозяйственной деятельности¹⁴.

В ходе обсуждения назревших проблем на Съезде малочисленных народов Севера высказывалось немало и других важных предложений, способных повлиять на улучшение жизни малочисленных народов, в том числе: создание твердых правовых и финансовых основ деятельности на Севере всех организаций и ведомств, их взаимоотношений с местными Советами, включая непреложное право «veto» со стороны Советов в районах проживания коренного населения, восстановление статуса существовавших до войны и создание новых национальных районов и сельсоветов там, где те или иные группы коренного населения живут компактно (а таких районов у одних только эвенков было, например, семь, не считая Эвенского национального округа, тоже упраздненного).

Если предлагаемые гарантированные юридические и финансовые условия будут созданы, на новой базе и на новом уровне могут быть осуществлены кардинальные улучшения в хозяйственной жизни и быту народов Севера и появится возможность самому населению на деле осуществлять реальный выбор пути, избегая надуманного и иллюзорного возврата к «традиционализму» или гибельной в этнокультурном отношении «европейской модели образа жизни», вписываясь своим особым способом в структуру современного этнокультурного многообразия единого человечества. У коренных этносов есть для этого необходимые интеллектуальные силы, есть понимание стоящих задач, крепнет стремление их осуществить. Не все еще потеряно, и реализация «третьей альтернативы» (т. е. движение по пути восстановления исторически сложившихся форм и норм расселения, природопользования и хозяйственной жизни, но с учетом современных культурно-бытовых и духовных потребностей населения на новой материально-технической базе), когда автохтонные этносы станут не объектами, а субъектами национальной политики, способными самостоятельно выбирать пути своего развития, решать свою судьбу и определять будущее,— еще возможна. Такой подход к проблемам Севера — гражданский и гуманистический долг всего нашего общества перед оказавшимися в беде малочисленными народами. Альтернатива такому подходу едва ли существует.

Примечания

¹ Пика А. И., Прохоров Б. Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16.

² Подробный перечень основных публикаций в периодике см. в Примечаниях к статье З. П. Соколовой «Народы Севера: прошлое, настоящее и будущее» // Сов. этнография. 1990. № 6. С. 31—32; см. также: Соколова З. П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера // История СССР. 1990 № 1.

³ Коммунист. 1989. № 5. С. 73.

⁴ «Европоцентристский» подход лежит, на мой взгляд, и в основе программы новосибирских специалистов (Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989), в которой традиционное хозяйство рассматривается как нечто несовместимое со сложившимся здесь народнохозяйственным комплексом и перспективы жизни автохтонных этносов видятся авторам сквозь призму «повышения роли северного региона в развитии производительных сил страны». Развернутую критику концепции, которую автор считает справедливой, см.: Соколова З. П. Народы Севера... С. 29—30.

⁵ О том, что самый неблагоприятный за послевоенные десятилетия период для воспроизводства малочисленных народов уже, по-видимому, пройден, свидетельствуют данные, приведенные З. П. Соколовой (Соколова З. П. Народы Севера... С. 24).

⁶ Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II. Отд. VI. СПб., 1878. С. 704, 705.

⁷ Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898. С. 478.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1971. С. 257—263. В литературе отмечались благоприятные, в том числе в демографическом аспекте,

следствия этих мер: Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 101; Увачан В. Н. Годы, равные векам. М., 1984. С. 183—184.

⁹ Вопрос об автономизации разных сфер жизни этносов в современных условиях несколько подробнее, хотя и в общем плане, рассмотрен автором в работе: Карлов В. В. Введение в этнографию народов СССР. Стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX—XX вв. М., 1990. С. 31—32, 34.

¹⁰ Материалы Эвенкийского отряда Восточно-Сибирской этнографической экспедиции Кафедры этнографии МГУ 1989 г. Тетр. 1, 4—6.

¹¹ Сходные мысли высказал Ч. М. Таксами. См.: Таксами Ч. М. Гуманитарные проблемы Севера // Сов. этнография. 1989. № 6. С. 26.

¹² См. также: Таксами Ч. М. Указ. раб. С. 24—25.

¹³ Соколова З. П. Съезд малочисленных народов Севера (взгляд этнографа) // Сов. этнография. 1990. № 5. С. 142—146.

¹⁴ В 1990 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о земле», в котором есть положение о том, что «в местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов и этнических групп законодательством союзных и автономных республик может быть установлен особый режим указанных категорий земли» (Закон о земле) // Известия. 1990, 6 марта. Ст. 2, т. е. появилась реальная юридическая основа для разработки таких положений на местах. См. подробнее: Соколова З. П. Народы Севера СССР: прошлое, настоящее и будущее. С. 30.

© 1991 г. СЭ, № 5

С. Л. Асланбеков, А. Н. Жаков

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В конце февраля этого года Северный Кавказ по приглашению Советского комитета защиты мира посетила группа представителей британской «Службы квакеров за мир», занимающейся у себя на родине и во многих странах мира урегулированием межнациональных и религиозных конфликтов. Вместе с квакерами были представители ряда общественных организаций, также занятых миротворчеством (Ассоциация конфликтологов, Ассоциация «Родные просторы» и др.).

Организаторы этой поездки имели намерение попытаться использовать на Северном Кавказе — в регионе, где по ряду проблем взаимоотношения между некоторыми нациями приобретают все более острый характер, — богатый практический опыт квакеров в области примирения. Были сформированы две группы: одна из них работала во Владикавказе, другая — в Нальчике.

Владикавказская группа провела «круглый стол» с участием представителей органов государственной власти и управления, различных общественных сил и формирований Северной Осетии (движения «Адамон Цадис», Демократической партии Северной Осетии, осетинского общества «Иштар Танахаш», Ингушской демократической партии, грузинского землячества в Северной Осетии, терского казачества, исламской общины, русской православной церкви в республике и др.). Была и отдельная беседа с руководством осетинского общественного движения «Адамон Цадис» («Народный союз»), а также дискуссия с преподавательским составом и студентами Северо-Осетинского государственного университета. Во время посещения г. Назрани в Чечено-Ингушетии состоялась встреча с представителями духовенства этой республики во главе с заместителем муфтия Чечено-Ингушетии имамом А. Пошевым.

Во время встреч особенно остро ставился вопрос о территориальных претензиях ингушей к Северной Осетии и связанном с этим осложнении взаимоотношений между ингушами и осетинами¹. К сожалению, некоторые представители общественных организаций и движений рассчитывают только на силовое решение этого спорного вопроса. Тем не менее значительная часть политиков и общественных деятелей делает ставку на возможность мирного разрешения проблем.

Поездка показала, что в принципе использование различных форм посреднической деятельности может привести к достижению договоренностей по конкретным спорным вопросам. Однако для этого необходимы постоянные контакты между общественными движениями, представляющими